

УСТНАЯ ИСТОРИЯ СОЦИОЛОГИИ

ВЛАДИМИР ПАНИОТТО (составитель),

доктор философских наук, профессор кафедры социологии НаУКМА, гендиректор Киевского международного института социологии (04655, Киев, ул. Г. Сковороды, 2)

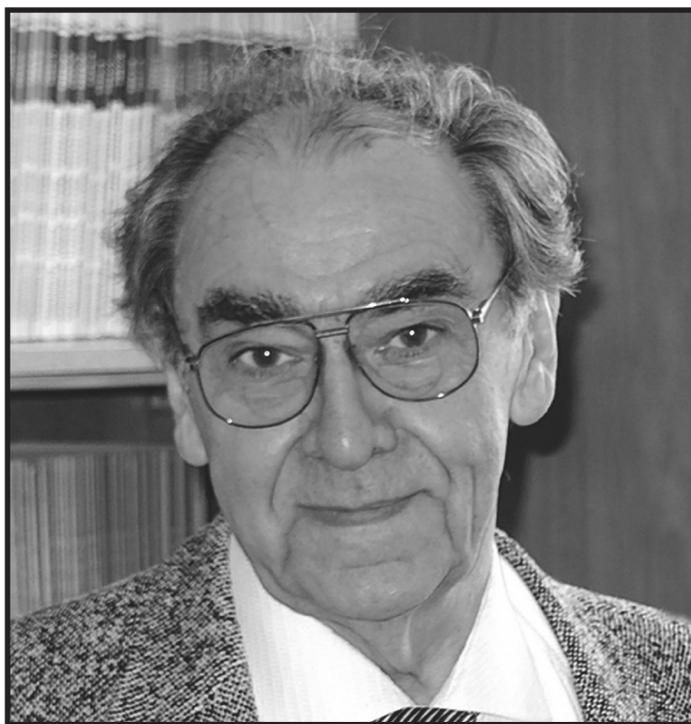
VOLODYMYR PANIOTTO (compiler),

Doctor of Sciences in Philosophy, Professor, Department of Sociology, National University of «Kyiv-Mohyla Academy», Director General of the Kyiv International Institute of Sociology (2, H. Skovoroda St., Kyiv, 04655)

v.paniotto@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-1721-9100>

Валерий Хмелько в моей жизни и жизни моих коллег

Валерий Хмелько, 2013. Фото, которое ему нравилось

Цитирование: Паниотто, В. (составитель) (2021). Валерий Хмелько в моей жизни и жизни моих коллег. *Социология: теория, методы, маркетинг*, 4, 172–189.

Валерий Хмелько в моей жизни

Для меня уход из жизни Валерии Хмелько — это больше, чем потеря. Валерий говорил, что человек не существует сам по себе — в его личность вплетены также связи с близкими людьми, единицей общества является не сам человек, а человек в совокупности этих связей. Эту единицу он называл соционом и говорил, что это понятие придумал Дима Галенко¹ (причем придумал, кажется, в разговоре с Валерием). В общем, у Валерия была такая трактовка социона (мне кажется, что сам Галенко занимался моделированием социона в несколько иной трактовке²). Если не брать во внимание самых близких родственников, то Валерий был главной частью моего социона. Я чувствую, что без Валерия мой профессиональный уровень существенно снизился. Какие-то области знаний я не изучал, не знал и не задумывался о них, полностью полагаясь на Валерия, которого мог спросить в любой момент, причем его ответы всегда были очень конструктивны. Что уже говорить об общечеловеческом измерении моего социона! К тому же он был, вероятно, самым умным человеком из всех, с кем мне довелось в жизни встретиться (хотя было еще 2–3 человека, которые приближались к его уровню). Мне вспоминается высказывание другого Владимира Ильича о Льве Толстом («Какая глыба, а? Какой матерый человечище!»), но оно приобрело уже ироничный характер. Во всяком случае, люди, которые имели возможность с ним общаться не мимоходом, чувствовали его интеллектуальную мощь (ниже я процитирую некоторых наших зарубежных коллег).

Это не мешало Валерии совершать ошибки, хотя возможно, что это ошибки с моей точки зрения, а он бы доказал, что все было правильно. Например, в 1991-м или 1992-м сын Валерия Владимир предлагал купить особняк для нашей компании. Мы получили первые международные заказы, двухкомнатная квартира на Бессарабке стоила тогда полторы тысячи долларов, а особняк в несколько раз больше, но денег нам хватило бы. Потом цены на жилье выросли в пятьсот раз и мы могли бы продать особняк и заниматься наукой, не зарабатывая деньги на наши научные исследования коммерческими проектами. Но Валерий говорил, что политическая ситуация нестабильна и есть шансы на возвращение коммунистов, которые могут национализировать помещение. Другая ошибка — это многолетнее нежелание Валерия развивать в КМИСе маркетинговые исследования, но потом он все же признал это ошибкой. Спорным было и наше решение не становиться частью Гэллапа, когда нам это активно предлагали, но тут, возможно, решение было правильным.

При постоянном общении и взаимном чтении всех работ друг друга у нас почти нет совместных статей. Ниже выдающийся американский социолог, экс-президент Американской социологической ассоциации Мелвин Кон объясняет, почему считает Валерия Хмелько великим ученым. Вот из-за этого стремления к научной строгости, доказанности, исчерпывающей точности формули-

1 Умерший в расцвете сил Дмитрий Николаевич Галенко (1935–1979) с конца 1960-х годов руководил группой социологов в отделе моделирования сложных систем Н.М. Амосова (Институт кибернетики АН УССР).

2 Галенко, Д.Н., Яковенко, Ю.И. (1973). Некоторые эксперименты с моделью «Социон». *Кибернетика и вычислительная техника*, 21, 54–59.

ровок я не мог с ним работать над общим текстом, мы дискутировали по поводу каждой фразы. Стремление к точности приводило к удлинению предложений, сложноподчиненным уточняющим конструкциям, утяжеляло текст, делало его трудным для чтения, непонятным, нужно было вдумываться в каждую фразу. Я стремился к большей популярности, жертвуя точностью. Ну и к юмору у нас разное отношение, Валерий писал слишком серьезные тексты и хотя хорошо понимал и юмор, и анекдоты, сам их в текстах не использовал. У нас была слишком большая разница в стилях, поэтому совместные статьи не получались, только взаимное чтение и советы.

Исключительно вдумчивая, тщательная и упорная работа над всем, чем он занимался, приводила к тому, что задача глобализовалась, становилась важной для страны в целом или даже для мира. В 1982 году я помогал ему проводить исследование на Ждановском заводе «Азовсталь». Это был опрос рабочих, и там среди прочего был вопрос о соответствии полученного образования требованиям работы. Это исследование давно можно было быстро закончить и забыть о нем (как я и собирался), но Валерий стал разбираться в этом вопросе и пришел к выводу о том, что диссонанс полученного образования и реально требуемого на рабочем месте имеет много негативных последствий. Мы месяцами продолжали заниматься этим после окончания опроса и подготовили «Методику социально-информационного обеспечения сбалансированного совершенствования структур рабочих мест и кадров промышленного предприятия» объемом в диссертацию (7 печатных листов); она была депонирована в ИНИОН¹, и ее можно было использовать в самых различных отраслях промышленности. У него начисто отсутствовала типичная для советских (и постсоветских) людей установка на то, что ты ничего не можешь изменить в стране в целом («стенку лбом не прошибешь»). Поэтому Валерий был причастен вместе с Галиной Старовойтовой² и привлек меня к подготовке письма Михаилу Горбачеву о способах решения конфликта в Нагорном Карабахе. Или же разрабатывал механизм предупреждения ядерной войны между СССР и США и пытался донести эту идею до руководства Советского Союза. Кстати, идея была очень интересной — разместить американскую военную базу с ядерным оружием рядом с Москвой (и еще несколькими крупными городами) и советскую военную базу с ядерным оружием — рядом с Вашингтоном (а также, скажем, Нью-Йорком и Чикаго). Если бы какая-то из сторон начала войну, то ее столица и крупнейшие города гарантированно были бы стерты с лица земли — хороший сдерживающий фактор.

Еще одна черта Валерия, которая на меня произвела впечатление и повлияла на мое поведение — это принципиальность и, скажем так, осознанная правильность. В советское время ты понимал тотальную лживость государства, противоположность декларируемых принципов и реальных действий. Большинство людей отвечало на это взаимностью, честность по отношению к государству в этих условиях выглядела странностью. Об этом очень точно говорил Жванецкий в разных своих миниатюрах, например, «Государство и народ»: «Госу-

1 Институт научной информации по общественным наукам РАН.

2 Галина Старовойтова — этносоциолог, советский и российский политик, правозащитник, была народным депутатом СССР, России, Государственной думы РФ. Убита 20 ноября 1998 года в Санкт-Петербурге.

дарство все, что можно, забирает у нас, мы — у государства. Оно родное, и мы родные. У него и у нас ничего вроде уже не осталось. Ну там военное кое-что... Антенну параболическую на Дальнем Востоке, уникальную... Кто-то отвернулся — и нет ее... По сараям, по парникам... Грузовик после аварии боком лежит, а у него внутри копаются. Утром — один остов: пираньи...» И т.д. Помню, даже уже не в советское время, а в начале 90-х мы проверяли метод изучения чувствительных тем — random response. Интервьюер стоит спиной к респонденту, респондент бросает монету и если выпал орел — говорит «да», а если решка — честно отвечает на вопрос: «Воруете ли Вы что-то на работе?» (спрашивали, конечно, как-то более деликатно — типа: «Приносите ли вы что-то полезное домой с работы?»). Интервьюер не знает, почему респондент отвечает «да», и полная анонимность. Но если «да» ответили 80%, то из них примерно 50% — это случаи, когда выпал орел, а 30% — точно воруют. Так вот, оказалось, что это совсем не чувствительный вопрос — большинство отвечали, что, конечно же, воруют, все ведь народное, и монету даже не бросали. А Валерий вел себя не как советский человек, а как немец, который стоит у перехода на красный свет, хотя машин нет и на горизонте. И не потому, что боится последствий (мы перепрыгивали запрещенную литературу, обсуждали различные варианты действия для свержения власти, он подписывал протесты и т.п.), а потому, что считал ниже своего достоинства вести себя так, как ведет себя государство. Помню, он как-то позвонил мне и с радостью сообщил, что добился того, что институт, где он работал¹, разрешил ему оплачивать в бухгалтерии свои личные междугородние разговоры. «А что, — спрашиваю, — у вас как-то контролируют, кто куда звонит по телефону и рабочий это или личный звонок?» «Нет, не контролируют, но я-то знаю, какие мои звонки не по работе, и не могу себе это позволить, мне приходилось выскакивать звонить в обед или после работы, что было очень неудобно. А институт никак не соглашался, чтобы я оплачивал личные звонки, долго сопротивлялся. Но я, наконец, добился!» Это на меня произвело такое впечатление, что до сих пор помню, хотя это было лет 35 тому назад.

Зато в работе КМИСа честность и принципиальность Валерия были очень важны и помогли создать репутацию. О принципах работы КМИСа мы договорились с самого начала (у нас и сейчас в разных местах института на всякий случай висит девиз, которым должны руководствоваться сотрудники в сомнительных случаях — «Репутация важнее прибыли»). Но не все заказчики в это верили. И хотя по смыслу и я и Валерий говорили заказчикам одно и то же, но Валерий был более убедителен. Я помню один из первых и очень серьезных наездов с угрозами от крупного бизнесмена С., который просил добавить несколько процентов в его рейтинг, чтобы была положительная динамика (это ему нужно было, чтобы получить поддержку президента). И только после встречи

1 Как ни парадоксально, Валерий Хмелько, вынашивающий планы свержения существующей власти, работал в Институте истории партии при ЦК Компартии Украины. Получилось так, что кандидатскую диссертацию, которую он написал, работая в Госуниверситете им. Т.Г. Шевченко, сочли ревизионистской, но Институт истории партии ему помог, поддержал и пригласил к себе на работу. Судя по всему, руководство понимало существующую ситуацию лучше других и было предельно циничным. Например, замдиректора этого института, который писал книги, прославляющие партию, сказал мне в личном разговоре, что партия пронизала все сферы общества как раковая опухоль.

с Валерием он окончательно убедился, что ничего не добьется никакими угрозами. В 2004 году, когда наш экзит-полл (совместный с «Деминициативами» и Центром Разумкова) показал, что выборы фальсифицированы, во время разных очень сложных переговоров мне не нужны были никакие консультации с Валерием, я точно знал его позицию по любому вопросу, даже не спрашивая.

Вообще, у меня такое впечатление, что уровень беспринципности политиков, политтехнологов и журналистов не падает, каждый результат социологического опроса, который не нравится той или иной политической силе (а любой результат не нравится каким-то политическим силам — ну не могут все быть первыми в рейтинге!), приводит к обвинениям в продажности. Иногда я пытаюсь объяснить, что фальсификация результатов может привести к жалобам, проверке ЕСОМАРа или САУ и потере репутации и прибыли. Но не объясняю еще более жесткую мотивацию, не допускающую нарушения профессиональных и человеческих норм, — это мнение твоей референтной группы. Как я, руководитель центра, допустивший эти нарушения, мог бы смотреть в глаза Валерию, другим своим друзьям, сотрудникам КМИСа и коллегам-социологам, с которыми поддерживаю дружеские отношения? Это было бы саморазрушением, уничтожением смысла своей деятельности. Не говорю об этом, так как политики и журналисты навряд ли поймут серьезность этой мотивации, еще более важной, чем необходимость хорошей репутации для зарабатывания денег в будущем.

Если не говорить о семье, то Валерий Хмелько оказал на мою жизнь самое существенное влияние. Я уже писал об этом в поздравлениях к разным юбилеям, поэтому найду и процитирую.

«Когда же это было? Кажется, в 1970-м... Я только-только закончил университет, получил диплом математика и работал в отделе В.Ф. Черноволенко в Институте философии АН УССР (это был первый и пока единственный отдел социологии). Я считал себя очень умным и гордился тем, что сам Сакада (он был тогда — шутка ли сказать! — Аспирантом) спрашивал у меня, что такое дисперсия. И вдруг в отдел попадает на рецензию работа какого-то Хмелько («Восприятие советской действительности студентами-африканцами»), который использует не только коэффициент корреляции, а и незнакомый мне коэффициент конкордации. Меня это поразило до глубины души.

С этой рецензии и началось наше знакомство. Оказалось, что Валерий Хмелько сначала закончил физический факультет моего же университета (в Киеве тогда был лишь один университет, если не считать университет марксизма-ленинизма), потом заинтересовался социологией и закончил философский факультет. Кстати, его курсовая об интеллигенции тоже произвела на меня впечатление — он показал, что с точки зрения марксизма собственность — это не только владение, но и распоряжение средствами производства, поэтому интеллигенция это не прослойка, а два класса: те, кто распоряжается — «деспоненты» (номенклатура) и «пролетарии» умственного труда. Будь у него не такие преподаватели, как А.И. Горак и В.Ф. Черноволенко, — неизвестно чем бы закончилась для него эта работа».

Группа моделирования общества. Первым важным результатом нашего знакомства с Валерием Хмелько было создание неформальной группы для моделирования общества. В отделе конкретных социальных исследований Института философии (формально отдел был создан в 1968-м, реально начал рабо-

Группа моделирования общества, 1982.

Роман Ленчовский, Владимир Паниотто, Валерий Хмелько, Леонид Финкель

тать в 1969, я проходил в нем практику, когда учился на 5-м курсе мехмата) работала так называемая хоздоговорная группа. Это был советский вариант коммерческого социологического предприятия, эта хоздоговорная группа выполняла заказы предприятий на проведение социологических исследований и зарабатывала деньги для Института. Группой руководил Михаил Лойберг, результаты отдавали на обработку в Институт геохимии и физики минералов. Дело в том, что приятель Лойберга Борис Горлицкий, работающий в этом институте, был одним из основателей направления «математическая геология» в Советском Союзе, а у него работал программистом Леонид Финкель (потом Леонид возглавил отдел программистов). С Лёней мы быстро нашли общий язык и подружились еще раньше, чем я познакомился с Валерием. Неожиданно оказалось, что Лёня и Валерий хорошо знакомы, оба они играли в экспериментальной студии театральной импровизации, которая существовала в Киеве (интересная идея, актеры импровизировали по заявкам зрителей, которые те писали на бумажках). То, что мои друзья увлекались актерской игрой, было для меня полным сюрпризом. Мы начали активно общаться, а также посещать семинар Н.М. Амосова в Институте кибернетики АН УССР, посвященный социальному моделированию¹. Так или иначе, по предложению Валерия Хмелько была создана группа для разработки компьютерной модели общества, куда кроме нас троих вошел также философ Роман Ленчовский (Валерий Хмелько учился с ним

1 Более детально см.: Паниотто, В. (2014). Амосов і моделювання соціальних процесів. *Соціологія: теорія, методи, маркетинг*, 1, 199–206.

на факультете социологии, а я познакомился с ним, когда он редактировал мою первую книгу). Разумеется, Валерий Хмелько стал неформальным лидером нашей группы, а его теория была положена в основу разрабатываемой модели. Речь шла о создании компьютерной модели общества, выходными данными которой были бы гуманистические ценности — уровень доброты, чуткости, отзывчивости в обществе. Мы считали это самым главным показателем развития общества (а экономика — это лишь средство для достижения этих целей). Предполагалось, что после создания модели будут проведены вычислительные эксперименты, найдены слабые места советского общества и мы перейдем к практической работе по разрушению этой тоталитарной системы. Мы регулярно встречались в течение многих лет, и это стало главным научным направлением всей моей деятельности.

Киевский международный институт социологии. Мы пытались собрать в одном месте и получить финансирование нашей работы. В конце концов в 1985-м с помощью В.Ф. Черноволенко мне удалось создать отдел методики, методов и статистического анализа социологической информации, но руководителем этого отдела был назначен С.Б. Крымский; я сменил его на этом посту только в 1990-м. В 1987 году я создал в отделе сектор моделирования социальных процессов. Но взять на работу членов группы, разрабатывавшей модель общества, прежде всего Валерия Хмелько, несмотря на то, что он был уже доктором наук, мне не удалось, потому что в этом же году вместо В. Черноволенко, который фактически создал Отделение социологии, руководителем Отделения был назначен специалист по политэкономии социализма Ю. Пахомов. Из соображений, не имеющих никакого отношения к научным, он был против зачисления Валерия Хмелько (не говоря уже о других членах группы). Отделение социологии в 1990 году было преобразовано в Институт социологии НАН Украины, а в 1991-м сектор моделирования закрыли. Хотя отдел мой не закрыли — только сектор, но оставаться в Институте не имело смысла. Параллельно (в 1990-м) у Валерия Хмелько возникли неприятности в его институте (Институте истории партии при ЦК Компартии Украины) из-за того, что Валерий занялся политической активностью (в рамках демплатформы КПСС¹; от него потребовали прекратить эту деятельность, но он отказался и уволился. В июне 1990 года Валерий Хмелько стал директором РНПСЦ — республиканского научно-практического центра Социологической ассоциации Украины. Я стал помогать ему налаживать работу центра, появились заказы. И у Валерия с согласия Социологической ассоциации УССР возникла идея приватизировать РНПСЦ и собраться в нем для разработки модели общества и выполнения совместного проекта с Мелвином Коном. В 1992 году мы осуществили эту идею, к тому же нам предложил помощь американский политолог и социолог Майкл Сваффорд — и мы создали американо-украинское предприятие Киевский международный институт социологии (КМИС). С 1992-го и по настоящее время я являюсь директором КМИСа, так что я обязан Валерию не только направлением работ, но еще и своим рабочим местом.

1 Демократическая платформа — течение в КПСС и КПУ, созданное в декабре 1989 года на основе партклубов, неформальных организаций, объединявших членов КПСС, выступавших в поддержку перестройки и М. Горбачева.

Люцерн (Швейцария), 1992

КМИС осуществляет около 150 проектов в год и провел уже тысячи исследований, многие из которых имели определенное влияние на процессы в стране (скажем, экзит-полл 2004 года). Но, к сожалению, к социологам прислушиваются, лишь когда они помогают решить задачу завоевания или удержания власти. Я хочу привести пример глубокого понимания Валерием процессов, происходящих в стране, и рассказать о его прогнозе-предупреждении, которое, к сожалению, не было услышано. Я уже писал об этом летом 2014 года, когда праздновали 75-летний юбилей Валерия Хмелько. «Самое печальное — это то, что реализовалось предупреждение В. Хмелько 20-летней давности (это делает честь Валерию и не делает чести политикам нашей страны)», писал я, цитируя его статью, написанную в 1994-м¹: «Заинтересованность более половины граждан Украины в сохранении той возможности использования русского языка, которая была обычной для них почти всю их жизнь, — это такое обстоятельство, с которым должны считаться все политики, которые действительно стремятся сохранить целостность украинского государства, не допустить ее раскола и использования ее лингво-этнической неоднородности ее недругами...

Имперско ориентированные деятели России уже пропагандируют идею защиты и, фактически, объединения всех русскоязычных людей. Обращаются они, как к своим, и к русскоязычным украинцам, проживающим в Украине...

Думаю, что для укрепления самостоятельной государственности Украины необходимо переосмыслить национальную идею. Осмыслить ее как идею соб-

1 Хмелько, В. (1994). Третий год независимости: что обнаружили вторые президентские выборы. *Украина сегодня: Хроника-анализ-прогноз. Бюллетень Киевского центра политических исследований и конфликтологии*, 6, 22–30.

ственно политическую, устранив культурно-этнические акценты, и сосредоточить усилия на формировании в Украине единой политической нации, все представители которой смогут считать себя украинцами — независимо от своей этно-национальной или лингво-этнической принадлежности ...»

Я привел небольшой фрагмент текста, но вся статья и в 2014-м, и сейчас выглядит так, будто была только что написана. Предупреждение это не было услышано.

В. Хмелько и В. Паниотто, 2008. Конгресс социологов в Москве

Вспоминается анекдот про американского журналиста в Израиле. Он заказал комнату в лучшем отеле Иерусалима, окна которой выходят на знаменитую Стену Плача, и наблюдал, как красивый старик каждый день приходил к этой стене утром, а затем после полудня и усиленно молился. Прошло несколько недель, и журналист решил взять интервью у этого человека:

«– Простите, я заметил, что вы уже много дней подряд приходите молиться к Стене Плача. Как давно вы приходите сюда молиться?»

– Уже 20 лет, — вежливо отвечает мужчина.

– И за что вы молитесь? — спрашивает журналист.

– Утром я молюсь о мире во всем мире, потом иду домой. После полудня я возвращаюсь и снова молюсь о мире.

– И что вы чувствуете все эти 20 лет, когда приходите сюда молиться?»

– У меня такое впечатление, что я разговариваю со стеной».

То, о чем Хмелько писал 20 лет назад, постепенно становилось очевидным для многих. Но, к сожалению, не для всех.

Кафедра социологии Национального университета «Киево-Могилянская академия». В том же 1992 году к нам обратился Вячеслав Брюховецкий, который был занят организацией нового университета — возрождением Киево-Могилянской академии. Он предложил КМИСу помочь с подбором преподавателей для Могилянки. Нам дали несколько фамилий по каждому из 6 направлений, с которых начиналась Могилянка, и мы методом снежного кома опросили по 50-60 экспертов в каждой области и составили список лидеров по каждому из направлений. После этого нас пригласили создать кафедру социологии и потом факультет общественных наук. Поскольку в КМИСе было много методической работы, которой занимался, в основном, я, то организация кафедры легла преимущественно на плечи Валерия (хотя я ему помогал как мог) и он стал заведующим кафедрой. Мы предполагали, что раз в год будем меняться, но войти в новое дело было так сложно, что на обмен не хватило сил — я так и остался директором, а Валерий завкафедрой, а потом и деканом факультета, а я стал профессором кафедры. Прошло много лет, пока ему удалось передать эту работу Светлане Оксамитной. Так что уже почти 30 лет я преподаю на кафедре, созданной Валерием Хмелько.

Таким образом, кроме многолетнего дружеского общения, я обязан Валерию также и всей моей профессиональной деятельностью — главным направлением работ, созданием КМИСа и кафедры социологии, где я работаю уже почти 30 лет.

Коллеги о Валерии Хмелько

На моей странице в Фейсбуке обычно 30–40 лайков и 3–5 комментариев. На мое печальное сообщение о Валерии было 900 сочувствующих лайков и 200 комментариев с короткими воспоминаниями. Я обратился к компании LOOQME, которая занимается анализом публикаций, с просьбой собрать реакции на это сообщение (кстати, сначала они, как обычно, выставили цену, но потом, узнав, для чего это нужно, сделали работу бесплатно). Информация была опубликована информационными агентствами (УНИАН и Укринформ), основными интернет-изданиями («Украинская правда», «День», «Зеркало недели», «Новое время», «Главком», «Гордон», «Апостроф», «Комсомольская правда», «Контракты» и т.д.), телевизионными каналами, а также было много постов в социальных сетях, всего 264 заметки. Это тем более удивительно, что Валерий Хмелько уже несколько лет не выступал в телевизионных передачах и не публиковался. Вот некоторые заметки.

Марта Фаррион (США), юрист, президент Киево-Могилянского фонда Америки

Памяти Валерия Хмелько:

«вырвал украинскую социологию из советского прошлого»¹

Всемирно известный социолог Валерий Хмелько умер 31 октября 2021 года на 83-м году жизни в Киеве. Профессор Хмелько был заведующим кафедрой социологии Национального университета «Киево-Могилянская академия», президентом и соучредителем Киевского международного института социологии (КМИС). Академическая деятельность профессора Хмелько была сосредоточена на взаимосвязи между личностью и социальной структурой, а Киевский международный институт социологии, президентом которого он был, стал надежным социологическим институтом с отличной репутацией. КМИС инициировал и поощрял использование экзит-поллов на украинских выборах с первых лет независимости Украины². Имея дипломы по физике и философии, Хмелько изучал социологию в докторантуре Киевского национального университета имени Тараса Шевченко, сосредоточившись на методологических проблемах социологических исследований. Исследовательские интересы профессора Хмелько — к проблемам личности и социальной структуры — в советские времена считался контрверсионным.

Хмелько и Паниотто включили в социологические опросы устоявшиеся западные процедуры и стандарты.

Однако после того, как в СССР в 1988 году социология была узаконена в качестве учебной дисциплины, Валерий Хмелько сыграл важную роль в развитии социологической науки в Украине. Он работал в широком контексте, участвовал в международных конференциях и симпозиумах, в частности тесно сотрудничая с известным американским социологом Мелвином Коном из Университета Джонса Хопкинса в Балтиморе, США.

Партнерские отношения Валерия Хмелько и Владимира Паниотто с профессором Коном привели к революции в украинской социологии.

Валерий Хмелько, один из основателей социологии независимой Украины.

В последующие годы профессор Хмелько и профессор Паниотто включили в социологические опросы устоявшиеся западные процедуры и стандарты, в 1992 году основали КМИС и кафедру социологии в Национальном университете «Киево-Могилянская академия».

За высокие стандарты этих опросов, а также за внедрение фокус-групп, экзит-полла и отечественного программного обеспечения для анализа статистических данных КМИС получил международное признание в качестве ведущей украинской социологической организации соответствующего профиля.

Американский социолог, профессор Уэлдон Т. Джонсон, который также сотрудничал с профессорами Хмелько и Паниотто, сказал:

«Невозможно переоценить влияние Хмелько на украинскую социологию, поскольку он и Паниотто буквально вытаскивали социологические методы и про-

1 Радио свобода, 2 ноября 2021 (<https://www.radiosvoboda.org/a/pamyati-valeriya-khmelkaszasnovnyka-ukrayin%CA%B9koyi-sotsiolohiyi/31540833.html>).

2 Это не совсем так, первый экзит-полл был проведен в 1998 году «Деминициативами» и Социсом (я был у них лишь консультантом), КМИС стал проводить экзит-поллы с 1999 года.

цедуры из трясины советской эпохи, когда публичное мнение игнорировалось. Ведь в советские времена социологии фактически не было, а когда ЦК Компартии СССР интересовался общественным мнением, какой-нибудь партийный чиновник звонил руководителям областей и спрашивал, как там люди оценивают состояние дел. В начале 1990-х в Украинской академии наук это называли экспертным методом. Хмелько все изменил».

Вячеслав Брюховецкий, почетный президент Национального университета «Киево-Могилянская академия», инициатор ее возрождения:

«Это огромная утрата для украинской науки. Валерий Хмелько был известным академиком и научным сотрудником нашего университета и ведущим интеллектуалом Украины. Он первым в 1991 году пришел ко мне с предложением создать новую кафедру структурированных социологических исследований. Это было первое такое отделение в постсоветском мире. С Владимиром Паниотто они были готовы возрождать Академию. Они уже заслужили международное признание в области социологии. В итоге они принесли в Киево-Могилянскую Академию масштаб международного академического признания».

Светлана Хутка, лауреат медали Наталии Паниной. 2010

Светлана Хутка, приглашенная научная сотрудница Калифорнийского университета в Беркли, которая была аспиранткой Валерия Хмелько:

«Сегодня очень печальный день — почил в вечности Валерий Евгеньевич Хмелько. Выдающийся украинский ученый, социолог, общественный деятель, публичный интеллеktуал, основатель кафедры социологии Киево-Могилянской академии, основатель Киевского международного института социологии, легендарный профессор, которого годами цитировали студенты Могилянки...

Для меня лично это тяжелая утрата — многолетнего научного руководителя и Человека, который был не только ролевой моделью, но и всегда давал мудрые советы. Моя благодарность Валерию Евгеньевичу за школу, поддержку и вдохновение — безгранична. Время, которое он дарил всем, кто у него учился — бесценно.

Об этом трудно писать, поскольку образовалась пустота.

В этом году ушла в мир иной целая плеяда мировых ученых, которые каждый по-своему работали над одной темой, о личности, ценностях, обществе, счастье и удовлетворенности жизнью — Мелвин Кон, Роналд Инглхарт, Альберт Бандура, и теперь Валерий Хмелько ... Это фигуры глобального уровня, без чьих работ невозможно представить современную политическую аналитику, социологию личности и социальных структур, создавшие качественно новые основания для сравнительного постранового анализа политических и экономических процессов, внедрившие инструментарий изучения общественных процессов, и добытыми таким образом данными будут пользоваться еще многие поколения аналитиков, журналистов, политиков, экспертов.

Я благодарна судьбе за то, что мне посчастливилось работать со всеми этими людьми — и первичным толчком к этому стало то, что Валерий Евгеньевич как научный руководитель задавал всегда чрезвычайно высокие стандарты работы, чем побуждал к очень динамичному развитию и самосовершенствованию.

Такие Личности, как он, — преображают мир вокруг себя даже в своем физическом неприсутствии, оставляя бесценное наследие идей, жизненных уроков и принципов. Но как бы хотелось, чтобы люди обладали бессмертием...»

Елена Богдан, выпускница Могилянки, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии НаУКМа, глава Государственной службы Украины по этнополитике и свободе совести:

«Недавно ушел в иные миры человек, который в значительной мере повлиял на мои жизненные траектории, — Валерий Хмелько. Находясь в командировке на Закарпатье, не смогу присоединиться к коллегам, друзьям и родным, которые соберутся завтра вместе, чтобы проститься. Но присоединюсь ко всем тем, кто делится воспоминаниями.

Вопрос языковых и этнических идентичностей Украины — одна из профильных тем Валерия Хмелько. По совпадению (или же наоборот — закономерно) именно языковым практикам и предпочтениям, государственной политике в этой сфере посвящены сегодняшняя и завтрашняя консультации на Закарпатье. Излишне говорить, что на нынешней должности главы Государственной службы Украины по этнополитике и свободе совести много работаю с вопросами языковых и этнических идентичностей.

Елена Богдан и Валерий Хмелько, 2010

Первая наша встреча с Валерием Евгеньевичем произошла четверть века назад. «Самый лучший путь в социологию — через физику», — эти слова лектора Валерия Хмелько в далеком 1996 году заставили меня сосредоточиться на тогда еще совсем неизвестной мне социологии. Ведь в школе я училась в физико-математическом классе, физику очень любила и даже раздумывала, не выбрать ли ее в качестве будущей специальности. Мы тогда были первокурсниками факультета общественных наук, еще не разделенными на специальности. Не уверена, оказалась бы я в социологии, если бы введение в нее мне преподавал кто-нибудь другой.

Потом было написание курсовой и квалификационной работы с ним как научным руководителем. Он имел страсть к точности формулировок и стремление видеть картину в комплексе.

Трудно давался выбор темы курсовой. «Научный интерес — это всегда личный интерес», — темпераментно произнес профессор. И за 5 минут поисков того, что интересует лично меня, мы уже формулировали тему о процессах демократизации в США. Эта тема так и осталась со мной на долгие годы.

Потом была его рекомендация в Оксфордский университет. И напутственные слова, ставшие настоящим потрясением для выпускницы бакалаврата (тем более, когда слышишь их от мэтра). Что-то типа: продолжение Вашей работы в области социологии будет важно и для социологии, и для демократического развития Украины. Мне тогда показалось, что он преувеличивает, но я все-таки осталась в социологии.

Затем была его рекомендация в Лондонскую школу экономики и политической науки. Однажды оказалось, что мое письмо из Британии он сохранил распечатанным на протяжении многих лет.

Валерий Евгеньевич позиционировал себя как «последовательный материалист». И очень удивился, когда на этапе диссертации мои поиски понимания процессов демократизации привели меня к вопросам религии.

Хотя в сфере исследований мы тематически разошлись, он весьма поощрял преподавание курсов о счастье и потенциале личности в обществе. Так я начала преподавать «Социологию личности» и собственные авторские курсы «Социология счастья» и «Социальные аспекты формирования позитивного потенциала личности». Несмотря на вынужденно громоздкое название, последний был самым легким для восприятия и самым близким к повседневным вызовам человека в современном мире. Пожалуй, материал именно из этого курса я регулярно вспоминаю в самых разнообразных контекстах.

Так сложилось, что я училась и на его позитивных качествах, и на его ошибках. В частности училась не бояться ошибок. Светлая память!»

Алексей Гарань, профессор НаУКМа, научный директор Фонда «Демократические инициативы» вспоминает много интересного, в частности об участии Валерия Хмелько в создании вместе с Мирославом Поповичем, Александром Емцем и Владимиром Филенко Партии демократического возрождения Украины¹:

«Валерий Евгеньевич был прагматиком и идеалистом одновременно. С начала 1990 года он активно участвовал в созидании и деятельности «Демплатформы в КПУ». А делать это в Киеве, по сравнению с Москвой, было ох как рискованно! 23 июня 1990 года именно он от имени «Демплатформы» выступает на съезде КПУ с требованиями радикального реформирования партии. И когда эти идеи были грубо отброшены (показательно, что Хмелько, кандидата от «Демплатформы» в ЦК КПУ, даже не включили в список голосования), 22 июля был образован оргкомитет по созданию новой партии: а сопредседателями стали Владимир Филенко и Валерий Хмелько. Наконец, в декабре 1990 года на базе «Демплатформы» создается Партия демократического возрождения Украины. Среди сопредседателей, наряду с Мирославом Поповичем, Александром Емцем, Владимиром Филенко и другими, и Валерий Евгеньевич. ПДВУ была интересной попыткой объединения двух крыльев: либерально-демократического и социал-демократического (детальнее об этом можно прочитать и посмотреть соответствующие документы в книге А. Тертичного «Первая попытка демократического построения политической партии в Украине», изданной в память о тех событиях при содействии КМИСа). К социал-демократическому крылу вместе с Поповичем принадлежал и Хмелько. Почему не удалось создать мощную, по-настоящему украинскую социал-демократию — тема отдельного разговора.

Работая над собственными воспоминаниями и разбирая документы той поры, я нашел «Обращение к народу Украины» 19 августа, направленное против путчистов. Там стоит и подпись Хмелько от ПДВУ.

(...)

А еще, говорят, что Валерий Евгеньевич блестяще танцевал рок-н-ролл. Жаль, что не увидел. Жаль, что когда уходит от нас такой человек, всегда думаешь о том, что в потоке повседневных дел слишком мало общались во внерабочее время».

1 См.: Українська правда: блоги (<https://blogs.pravda.com.ua/authors/haran/61803f36a9d33/>).

Наконец, хочу привести еще раз (они уже публиковались) слова Мелвина Кона о Валерии Хмелько.

Мелвин Кон (1928–2021), выдающийся американский социолог, бывший президент Американской социологической ассоциации, работы которого многие считают классическими, написал это для нашего журнала в связи с 70-летием Хмелько. Когда я в свое время переводил это поздравление для журнала, то решил уточнить, что Мелвин имеет в виду, когда пишет о Валерии «great». Я спросил — это действительно означает великий социолог, как Парсонс, Мертон, Лазарсфельд? И Мелвин уточнил, что да, великий, как Парсонс и Мертон, но не Лазарсфельд, которого он не считает великим. А вот Валерий действительно является великим ученым и Мелвин объясняет, почему он так считает:

Мелвин Кон и Валерий Хмелько, Киев, 2010

«Вся моя долгая карьера в социологии прошла под знаком исключительного везения с сотрудниками-соавторами, у которых я многому научился, которые обогатили мою профессиональную и личную жизнь и на которых я всегда полагаюсь, что касается их знаний, интуиции, их работ, их эмоциональной поддержки. Всех их я люблю и уважаю. Говорю об этом, чтобы задать рамки моих комментариев о человеке, который выделяется даже на фоне замечательной

группы, составляющей ядро моего личного и профессионального существования, — о Валерии Хмелько.

Многое из того, что я знаю о Валерии, просто подтверждает то, что мне говорили о нем еще до того, как я впервые встретил его (на Советско-американской социологической конференции в Вильнюсе, в Литве, в 1987 году). Он, как многие из Вас знают, является выдающимся социологом и социальным психологом с замечательным сочетанием интеллектуальных талантов: исключительной способностью видеть современную социальную реальность в контексте исторических изменений, политических и экономических условий и теоретической перспективы; при этом, не теряя из виду более широкого социального контекста, он имеет тонкое чувство значимости даже самых небольших находок, их последствий для большего целого и необходимости удостовериться в том, что у нас есть самые убедительные свидетельства обоснованности этих находок.

Кроме того, как Вам, уверен, известно, он — человек большой личной честности и человеческого достоинства. Чтобы узнать такие вещи, не обязательно сотрудничать с кем-то в течение двух десятилетий, поэтому я осознаю, что, характеризуя Валерия таким образом, я только подтверждаю справедливость того, что общеизвестно о нем, — даже с точки зрения наблюдателя, который имел весьма благоприятную возможность видеть, как он действует в непрекращающемся исследовательском процессе, со всеми его радостями, фрустрациями и вызовами.

Хочу добавить к этой картине еще одну деталь — то, что я имел возможность наблюдать, полагаю, как никто другой (кроме, конечно, Володи Паниотто, его еще более давнего коллеги). Я расскажу это в терминах афоризма, сформулированного моим самым давним коллегой и другом Карми Скулером (Carmi Schooler). Истина Карми (одна из таковых) состоит в том, что когда в ходе анализа мы находим то, что соответствует нашим ожиданиям, особенно если это подтверждает глубоко импонирующие нам гипотезы, мы редко ставим под сомнение методологию, которая привела к этой находке, но когда мы обнаруживаем нечто неожиданное, особенно если оно, похоже, противоречит этим нашим гипотезам, мы готовы горы свернуть, чтобы выяснить, не является ли подразумеваемая находка артефактом, порожденным методологической ошибкой.

Мы должны, конечно, быть столь же бдительными, чтобы убедиться, что результаты, подтверждающие гипотезу, не базируются на методологической ошибке. Отлично, никто не спорит, и иногда мы действительно пытаемся отслеживать возможные ошибки, даже найдя то, что хотели найти. Но только Валерий, судя по моему опыту, действительно способен отделить свои желания от своей методологической практики. Валерий ищет возможные ошибки, когда мы обнаруживаем то, что хотелось, так же тщательно и плодотворно, как и тогда, когда находим то, чего не хотелось бы.

Его ego реализуется не в его гипотезе, но в непреодолимом желании, чтобы то, что он сообщает как факт, не оказалось просто методологической ошибкой. Можно сказать, что дело просто в его честности, и я уже отмечал, что Валерий широко известен как человек большой честности. Безусловно, но речь идет об особом роде честности, не очень широко практикуемой и, безусловно, не в такой степени, как в случае Валерия. Когда я вспоминаю те многочисленные случаи, когда я наблюдал это свойство Валерия, я думаю, что он тот настоящий

ученый, которых часто описывают в идеале, но не так часто можно встретить в реальности. Может быть, это порождено его глубоким погружением в жизнь его эго-идеала — Эйнштейна. Может быть, это порождено какими-то сторонами его собственной жизненной истории, которую я в полной мере не знаю или же не понимаю. Но я определенно знаю, что не единожды в важных для нашего совместного исследования случаях Валерия настораживали некоторые очевидные находки, не дававшие оснований усомниться в них, однако он (и только он один) считал их не соответствующими его знанию социальной реальности. И в итоге он обнаруживал, что мы ошиблись в какой-то непроясненной части аналитического процесса. Я также знаю, что когда мы нашли нечто, похожее, противоречащее результатам всех наших последних исследований (в частности, оказалось, что личностные характеристики взрослых мужчин и женщин были удивительно нестабильны в период радикальных социальных изменений в Украине), Валерий настоял, чтобы мы исключили все остальные, способные повлиять на это факторы, что позволило бы удостовериться, что мы получили реальный результат: на это ушло шесть месяцев напряженной работы, но когда Валерий установил, что находка реальная, я был уверен, что она прошла окончательную проверку. Последующие находки других исследователей в другой стране подтвердили наши результаты».

Получено 20.11.2021